

разных языковых систем, свидетельствующее о восприятии тюркских имен носителями русского языка как лишенных статуса «чужого».

Таким образом, каждая из ономастических подсистем проявляет разные возможности проницаемости, «перелицовки» и трансформации исконных онимов, естественных и искусственных переименований, что обуславливает формирование многослойности ономастического ландшафта Оренбуржья.

Бекасова Е. Н. Лингвокраеведческий потенциал Оренбургской области // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург, 2018. С. 92–95.

Моисеев Б. А. Топонимические очерки Оренбуржья. Оренбург, 2016.

Марта Белетич

Институт сербского языка САНИ
Белград, Сербия
marta.bjeletic@gmail.com

К изучению происхождения с.-х. *ковиль* ‘*stipa pennata*’

Современные этимологические исследования в большой степени ориентированы на пересмотр существующих этимологических толкований, особенно тех слов, которые еще не получили общепринятого решения. К таким словам принадлежит с.-х. *ковиль* (м. р.), чаще *кòвилье* (ср. р.) ‘*Stipa pennata*’. Данный фитоним имеет соответствия преимущественно в южно- и восточнославянских языках: макед. *ковил*, болг. *ковѝл*, *коѝл*, *кофѝл*, словен. *kovilje*, рус. *ковыль*, *ковыл*, укр. *ковиль*, *ковилá*, блр. *кавыль*, на основании которых реконструированы праслав. **kovylъ* / **kovylъje* [ЭССЯ, 12, 15–17].

Праславянское слово и его единичные продолжения неоднократно становились предметом научного анализа. Выдвинуто несколько «иноязычных» этимологий, например из тур. *kovalık* ‘род тростника’ [Преображенский, 1, 279] или из лат. *capillata* ‘волосистая (трава)’ [Кобилянский, 1970, 69].

Исследователи, предпочитающие говорить о славянском происхождении рассматриваемого слова, в качестве его индоевропейских соответствий приводят, с одной стороны, греч. *καυλός* ‘стебель, ствол, стержень пера’, лат. *caulis* ‘стебель, ствол у растений’, лит. *káulas* ‘кость’, латыш. *kaiļs* ‘стебель, кость’, др.-прус. *caulan* ‘кость’ (Горяев), а с другой — гот. *hawī*, др.-в.-нем. *hewī*, нов.-в.-нем. *Heu* ‘сено’ (Уленбек, Бругман, Леман, Цупица). Последний ряд параллелей указывает на связь праслав. **kovylъ* / **kovylь* — прямую или опосредованную — с праслав. **kovati* ‘бить’, причем мотивация германских слов (‘то, что рубят, секут’) отличается от мотивации славянского слова (‘гнушаяся, качающаяся трава’). В формальном отношении слово трактуется как отглагольное производное с суффиксом **-ylъ* от **kovati*, как **motylъ* от **motati*. Данное толкование является наиболее распространенным [Фасмер, 2, 273–274; БЕР, 2, 511; ЭССЯ, 12, 15–16; ЕСУМ, 2, 484; Bezlaj, 2, 75].

В этимологической литературе внимание обращается и на потенциальную связь праслав. **kovylъ* / **kovylь* с глаголом **kovyl’ati* ‘ковылять’ [Miklosich, 1886, 136; Berneker, 1, 594; Skok, 2, 172; ЭССЯ, 12, 15], которую некоторые авторы решительно отвергают [Преображенский, 1, 328; Фасмер, 2, 273–274]. Упомянутый глагол также не имеет единственного толкования: трактуется или как заимствование из фин. *kävellä* ‘идти’ (Погодин), или — в большинстве случаев — как исконное славянское слово. Мнения расходятся и по поводу его словообразовательного членения — некоторые авторы выделяют в нем приставку **ko-* [Matzenauer, 1881, 190; Шанский, 2, 182–183], а другие такое членение фактически оспаривают [ЭССЯ, 12, 15].

Цель настоящей работы — анализ существующих этимологических толкований праслав. **kovylъ* / **kovylь*, с особым вниманием к его возможной связи с глаголом **kovyl’ati*, что могло бы пролить новый свет на происхождение этого загадочного слова.

БЕР — Български етимологичен речник / съст. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев та ін. София, 1962—. Т. 1—.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : у 6 т. / за ред. О. С. Мельничука. Київ, 1982–2012.

Кобилянський Б. В. Діалектна лексика у «Слові о полку Ігоревім» // Мовознавство. 1970. № 4. С. 64–73.

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. М., 1910–1914.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987.

Шанский — Этимологический словарь русского языка / под ред. и рук. Н. М. Шанского. М., 1963–. Т. 1–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.

Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg, 1908–1913.

Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1–5. Ljubljana, 1977–2007.

Matzenauer A. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu // Listy filologické a paedagogické. 1881. № 8. S. 161–190.

Miklosich Fr. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–4. Zagreb, 1971–1974.

О. В. Белова

Институт славяноведения РАН

Москва, Россия

kotmonya@yandex.ru

Смоленские «авдотки» в контексте городского текста и традиционной обрядности

С середины XIX в. в краеведческой и этнографической литературе, посвященной Смоленску, sporadически встречается упоминание о паломничестве, ежегодно совершавшемся белорусскими крестьянами и крестьянками окрестных уездов на праздник Вознесения Господня в Вознесенский женский монастырь. Целью паломниц было, помимо прочего, посещение на монастырском кладбище могилы, надгробие которой было украшено изображением амуров, получивших в местной устной традиции название *каменные деточки* (с ними связаны городские легенды о проклятых или безвременно погибших детях); вокруг этого памятника к концу XIX — началу XX в. сформировался